

Сцена из спектакля. Ричард (справа) — М. Ульянов, Георга — Е. Карельских. Фото М. ЧЕРНОВА

ДИАЛЕКТИКА ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

«Ричард III» в Театре имени Вахтангова

НИ НА РЕПЕТИЦИИ, ни на летних прогонах, когда, казалось, спектакль Театра имени Вахтангова «Ричард III» уже определился, герцога Бекингема не выглядела так, как она выглядит теперь. Тогда, как и написано у Шекспира, с герцога расправлялись Ричардовы подручные, теперь — он сам.

Ричард закалывает Бекингема с неистовством. И вместе с тем — с насилием. Добывает. Вдаивает в глаза. Даже внешний рисунок эпизода производит сильное впечатление: опущенный страстью Ульянов, — заставляет зрел замереть. От сострадания? От ужаса? От отвращения? Оставим вопросы до времени без ответа и попытаемся разобраться в другом. Почему Ульянов, исполнитель главной роли и режиссер спектакля, в согласии с постановщиком, народным артистом СССР Рачия Капalianом, построение эпизода изменил? Имел право изменить, добавив к нему то, что, чтобы определить свое отношение к случившемуся.

Сцена играет так, как она играет, потому, что в ходе работы зритель видел человека, которого изображает Михаил Ульянов. Не мыслит об этом человеке, не представляет о нем, но он сам. Мысль же о нем неизменно и переживается актером последовательно, набирая силы к финалу, к итогу.

Поначалу же она несколько оглушительна. Ульянов дает нам возможность, рассмотреть того, кто перед нами, не слишком подавляя, а скорее, напоминая. Ах, негодяй, ах, злодей, убийца, торопит смерть другого, — все это мы, зрители, замечаем, но не на преступлении как таковом задерживается преимущественное внимание исполнителя, а на том, почему все задуманное получается у Ричарда до удивления просто, до удивления гладко.

На этом же, собственно, сосредоточена и пьеса. Она выпрямля и не раз спрашивает, отчего человек столь переменчив, столь ненадежен, так податлив. Нам могут заметить, и справедливо, что в «Ричарде III» немало других мотивов, однако главенствующим, во-

бравшим в себя разное, в данном спектакле выступает именно этот. Почему смог — такой?

Ульянов ни разу не дает нам обольститься своим героем, обмануться на его счет. Не ищет в нем сверхчеловека, демонической натуры, притом что не тешит себя sweetly счеты по мелочам: лишит ума, воли, изворотливости проницательности. Вопрос ставится иначе и, следовательно, иначе решается: все удалось не потому, что Бекингем глупее Ричарда, а Стеили благороднее его. Все такие же, как он, или почти такие же, или готовы стать такими. Качество ума и сердца у них одно — кровавая игра, в которую вовлекает их Глэстер, им понятна и привычна. Некоторым даже высокомерием, от сознания собственной правоты, звучит реплика Ричарда, когда он объясняет, почему раньше служил верой королю одного дома, а теперь, с равным усердием, — другому. «Вы взяли верх», — вот подтекст реплики, подтекст настолько искренний, что даже не кажется циничным.

Такое положение вещей, такое настроение умов для постановщика ретрающее. И для актера — тоже. Даже в минуты торжества, после победительной встречи с леди Анной, Ричард Ульянов упрекен не радостью, но презрением. Его хохот, его кривляние, его бесстыдное бахвальство — от этого. От пьянящего сознания, что противники, добрых можно покорить вой этан, обольстить вот так недорого стоит.

Сцена с леди Анной, труднейшая в силу своей задалости, нашла, на наш взгляд, одну из возможных разгадок. Эта разгадка — в характере Ричарда, каким его увидел, понял и сыграл Ульянов.

Все минусы при нем, но и все неистовство страсти, вся одержимость ею — тоже при нем. Одержимость, которая может сообщить его речам видимость искренности, а его аргументам — видимость неопровержимости. В эту двойную сеть и попадает леди Анна.

Впрочем, зачем нам понадобилось это осторожное слово — видимость? Не потому ли оно появилось, что нам кажется едва ли не кощунственным воспользоваться иным, коль скоро речь заходит о Ричарде? А между тем разгадка эпизода — в правде переживания; не тех, любовных, в которых Ричард уверяет леди Анну, но тех, что связаны с треном, с укреплением

Перед смертью у Бекингема (в его роли недавно пришедший в труппу А. Филиппенко) — короткий монолог. Все знаем мы об этом человеке — холодном, жестоком, расчетливом: не знаем лишь того, что возникает в его душе в предчувствии неминуемой гибели. Не знаем так же, как не знал до сей минуты он сам. Открытие себя — тоже составное актерской работы.

Теперь, пожалуй, время вернуться к тому, с чего мы начали. К тому моменту работы над ролью, когда она приближается к актеру вплотную, с такой видимой, осязаемой конкретностью, которая позволяет действовать не от своего, но от ее имени. Предлагаемые обстоятельства с самого начала, раз и навсегда заданы автором: человек, который в эти предлагаемые обстоятельства входит овладевает ими постепенно.

Что было поначалу? Была саднящая жажда власти, был расчет, как эту власть захватить, был постоянный страх, что игра может сорваться. Пусть все обдумано, все средства себе дозволены, но вдруг? Это «вдруг» жило в ульяновском Ричарде постоянно и толпало его на поступки, без этого «вдруг» необычные: на унижение перед Бекингемом — он полз за ним на коленях и целовал в знак благодарности руку; на злобный выпад против Елизаветы и ее родных — он должен был старостужить королеву; на жалкое, трусливое поведение в сцене перед коронацией.

Потом власть была завоевана, но ульяновский Ричард остался на короткое время едва ли не прежним. Наглость в нем поприбавилось, но уверенности — прочной, надежной — все еще было мало. В разговоре он сбивался на привычный тон, в манерах — тоже, заколот Бекингемом собственноручно он, такой, разумеется, никогда бы не посмел.

Теперь — смеет: больше того — должен. Он овладел положением, он одолел свой страх, он насмается, с тем, что гнет всех долу, утвердился снова и снова. Механизм унижения отработан этим Ричардом превосходно и страшно. От мелочей — он ждет, когда Глэстер подотавит ему спину, чтобы взойти на трон, хотя только что когда был один, взлетал на него броском, мгновенно, — до той открытости, с которой вернется теперь все его чудовищные дела.

Перед зрителем в новом спектакле Театра имени Вахтангова предстает сложный, мучительный и одновременно блистательный по результатам процесс постижения характера Ричарда артистом М. Ульяновым.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

in press
M
"Лит. газета" 1986, 22 дек. 1986